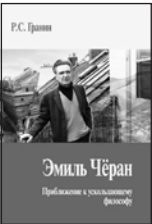

Гранин Роман. Эмиль Чёран. Приближение к ускользающему философу. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. — 126 с.

Труд кандидата философских наук Романа Сергеевича Гранина стал первой монографией на русском языке, посвящённой Эмилю Чёрану (1911–1995 гг.). Сразу уточню, что вместо известных вариантов Сиоран и Чоран автор книги предлагает написание через Ё, а не через О, с ударением на второй слог, а не на Ё. Для непосвящённых Гранин также поясняет, что инициалы Э.М. означают не Эмиль Мишель, а просто Э.М. Две первые буквы своего имени Эмиль превратил в два инициала, как у любимого писателя Э.М. Форстера. Итак, Эмиль Чёран.

Книга написана хорошим литературным языком и заставляет сопереживать её герою. К тому же в издании представлены многочисленные фотографии упоминаемых на страницах персонажей и городов, образы документов и прочее. Невольно чувствуешь себя перелистывающим семейный альбом старины Эмиля. Наконец, в приложениях к тексту монографии содержится полезный для читателя материал — биографический, библиографический, хронологический указатель жизни Чёрана, его высказывания о русских и России, список работ философа, переведённых на русский язык, и список посвящённых ему зарубежных PhD-диссертаций. Гранину принадлежит заслуга перевода и публикации в России текста эссе Чёрана "Из Франции" и знаменитого "Чёрного дневника" (два тома из четырёх вышли в этом году, а два оставшихся готовятся к публикации).

Для многих исследователей Чёран — это "внутренний подпольщик", мрачный, брызжащий и желчный интеллектуальный маргинал. На первый взгляд, его тексты только подтверждают такую репутацию: "У меня в жилах не кровь, а мрак", "Я люблю, когда стиль достигает чистоты яда" и т. д. Нигилист ли он? Сомневаюсь, хотя нынешняя популярность Чёрана отчасти обусловлена именно его пессимизмом, критикой прогресса и мрачными прогнозами. Колоссальна разница между мыслителем, писавшим о "ранах жизни", и совре-

ирония, самоирония, юмор: "Избавиться от жизни значит лишить себя удовольствия смеяться над ней".

Чёран не стремится делать людей лучше, "спасать", просвещать, проповедовать. Этим, как мне кажется, он выгодно отличался от современников, считавших просвещение панацеей от всех бед. Наивная вера в благотворное влияние прогресса. Вера в то, что обречённого на падение (не чёрановское "падение во время", а ницшеанское падение в бездну) надо обязательно спасать, а не подталкивать.

ЧИТАЯ ЧЁРАНА

менными нытиками и/или социопатами, задиристыми на выискивании у себя и других всевозможных "травм" и повторяющимися бесконечно стандартный катехизис жалоб. Подражатели начисто лишены таланта и глубины Чёрана. К тому же философ не воспевал такие болезни общества, как атомизация, растущее равнодушие людей друг к другу, экзистенциальное одиночество и прочее. Он не наслаждался им, как не мог наслаждаться мучившей его бессонницей, хотя "за одну бессонную ночь узнаёшь больше, чем за год сна", а диагностировал их, предлагая свой вариант самосохранения в безумном мире.

Выбор вариантов отношения человека с миром не так велик: попытка что-то улучшить "малыми делами", восстание против современного мира, принятие и растворение в нём, минимизация своих отношений с ним ("уход в лес"). Некоторым помогают сарказм,

Оставь безнадежных больных.

Ты не вылечишь мир — и в этом всё дело.

Пусть спасёт лишь того, кого можно спасти...

К слову, в афоризмах Чёрана действительно много от Ницше, но по поводу последнего он совершенно верно отметил: "Есть что-то неприличное в слабом человеке, прославляющем силу".

В небольшой книге Гранин попробовал осуществить "приближение к ускользающему философу", показав цельность в его многогранности. Юный Эмиль бродит "с утра до ночи... в горах, как дикий зверь". Меланхолия, одиночество, сомнения. Страсть к чтению и алкоголю, поскольку и то и другое помогает забыться. "Его образование формировалось не только в библиотеках, но и в пивных..." Тайная любовь, более удачливый соперник ("школьный качок"), хождение с

экземпляром "Критики чистого разума" в расклетчатый бордель, где Чёран "стал постоянным клиентом и где он часто встречал не только своих школьных товарищей, но и учителей".

Увлекательно описан бухарестский студенческий период, когда в комнатах Эмиля царил атмосфера бедности и печали, усиливающая бессонницу и рефлексию. Но это ещё и время чтения по пятнадцать часов в день: Шарль Бодлер, Фёдор Достоевский, Андре Жид, Георг Зиммель, Фридрих Ницше, Лев Шестов и другие.

В книге много ярких эпизодов. Начав преподавать в лицее, Чёран долго раздумывал о том, кому следует предпослать свою книгу, и в итоге подарил её привратнику. Преподаватели почувствовали себя оскорблёнными, возненавидели новичка, и среди них за Чёраном закрепилась репутация слабоумного. Когда же тот уволился, то директор гимназии напился на радость.

Гранин кратко характеризует книги и статьи Чёрана, его опыты на литературном поприще, отношения с известными современниками, политические и эстетические взгляды. Деликатно затрагивает историю жизни с постоянной спутницей философа Симоной Буз. Наверное, не стоило столь подробно останавливаться на периоде болезни и физического угасания: "упал, сломал бедро... пришлось оперировать... ругается на медсестёр и санитаров, был привязан к кровати за изильную буйность" и т. д. Впрочем, "даже его слабость впечатляет. Его огромные зелёные глаза... сосредоточенно смотрят в потусторонний мир".

После смерти, наступившей 20 июня 1995 года, Чёрана предадут земле в Париже по румынскому православному обряду: "...священники и патриархи, носо-

вые песнопения, ладан, посреди толпы румынский зевак и сомнительных личностей — представитель румынского постоства". Автор язвительно замечает: "Румыны в конце вернули его себе в той форме, которую он больше всего ненавидел... Ироничный финал для человека, который решительно и настойчиво порицал все свои связи с Румынией". Мёртвый писатель для власти и общества предпочтителен живого, ведь все великие мыслители и писатели в большей или меньшей степени, но конфликтовали с государством и обществом.

"Частный мыслитель" Чёран — горькое лекарство от болезней современности. Когда все вокруг говорят "да", надо осмелиться сказать "нет". Когда все бодро ходят по кругу, надо осмелиться пойти своим путём. "У прохожих идиотские лица — и как мы до такого докатились?" — вопрошал философ. Действительно, Эмиль, как? И что нам с этим делать? В своё время, рассуждая об Эзре Паунде, Чарльз Буковский писал: "В общем и целом у разумных людей существует тенденция не верить в то, во что верят массы, и в большинстве случаев они из-за этого оказываются у самого яблочка; в другие разы им опалает задница, особенно на политической арене...". Думаю, эти слова можно отнести и к Чёрану. Нет нужды в его "разоблачении" или превозношении. Не надо слепо следовать за ним. Ищите свой путь: "Не тратьте время на критику других... создайте своё, посвятите ему всё своё время. Остальное — глитель или позор. Будьте солидарны с тем, что в вас истинно и даже "вечно"". Отличное пожелание от мизантропа Чёрана. В конечном счёте для думающего человека "наступает момент, когда подражаешь уже только самому себе".

Александр РЕПНИКОВ

Яркий пример московского метросталинизма. Капители колонн на станции «Комсомольская-радиальная», 1935 г.

«БЕЗ ТЕОРИИ НАМ СМЕРТЬ!»

Гурджиев Лаврентий. Сталинизм — это наука. — М.: Книжный мир, 2025. — 690 с.

Автор произведения "Сталинизм — это наука" не слишком плодит, но всё-таки известен своим вкладом в сталиниану (книги, статьи, радиопередачи, лекции). Что и говорить, этот жанр стал чрезвычайно популярным начиная с пресловутой перестройки. Имеется в виду популярность с точки зрения отпора хулителям сталинской эпохи и очищения имени и свершений обоганного вождя. При существенном уточнении: Л.К. Гурджиев первым в нашей стране после развязанного хрущёвцами в 1956 году "разоблачения культа личности Сталина" выдвинул и отстаивает принцип существования сталинизма не просто как политико-экономической системы, а в качестве самостоятельного раздела коммунистического учения. И, что особенно важно, — единственно верного пути следования ведущим марксистским и ленинским идеям.

В газетных и книгоиздательских кругах, в общественной тусовке постсоветского безвременья многие долго шарахались от выдвинутого Гурджиевым принципа. Ведь он "осмелился" утверждать, что сталинизм как цельное теоретическо-практическое наследие основоположников научного коммунизма является логичным и органичным продолжением марксизма-ленинизма. По его мнению, подкреплённому соответствующими историческими исследованиями, ревизионисты и оппортунисты, возобладавшие в руководстве КПСС в послесталинский период, ни много ни мало как обезглавили научный коммунизм. Изъяли из него сталинизм, то есть острый философский, идеологический, экономического научного массива — мощный, живой, развивавшийся в течение столетия (с середины XIX до середины XX века). После чего массив стагнировал и частично разложился.

Это была не демагогическая борьба с личностью И.В. Сталина, пишет Гурджиев, это была смертельная схватка капитализма с коммунизмом. И поясняет: "Справедливости ради отметим, что сущность теоримой катастрофы оставалась не замечаемой многими из-за трескающей марксистско-ленинской риторики, маскировавшей про-капиталистическое перерождение страны; оно продолжалось свыше тридцати лет. И сущность

эта называется десталинизацией. Она же дебольшевизация, десоветизация, дезинтеграция, денационализация, деиндустриализация, деколлективизация, дегуманизация... Одним словом — дебилизация. Если не всех, то очень большого числа". Автор продолжает: "Развенчание сталинизма низвело коммунистическую идеологию до уровня пошлости. Значительная часть советских людей слыхавшись в недооценке сталинского научного наследия ещё в 1991-м, когда гибель державы стала неотвратимой. Они кусали локти, но бить тревогу следовало много раньше, когда с псевдосоциалистических трибун понеслись призывы "догнать и перегнать Америку по производству мяса, масла, молока", когда космические смыслы выбора между Востоком и Западом, между путём духовным и желудочно-кишечным трактом стали не просто нивелироваться, но почти полностью сводиться к мясо-молочным предпочтениям".

Обильную фактологию автор суммировал в следующей аксиоме. Геополитическая катастрофа — крушение СССР, содлагателя мирового комдвижения — имеет также другие глобальные, региональные, локальные причины военно-политического, экономического и даже морально-бытового характера. Однако именно десталинизация во всех сферах жизни сопровождалась чудовищной смесью предательства с невежеством, изощрённого обмана с грубым насилием, ослабления идейности кадров и широких масс с их растерянностью, беспомощностью.

Анализ сталинизма осуществлён автором на основе нескрываемых, ярко выраженных методологических и политических подходов и включает в себя несколько главных направлений: тем: "Национальные вопросы", "Философские вопросы", "Экономические вопросы", "Военные вопросы". Они формируют основное научное тело сталинской теории. Особое место занимает тема "Переустройство мира по сталинизму". Приоритет здесь отдан территориальному реформированию, восстановлению справедливости в отношении народов, чья родина и судьба на протяжении веков коверкались хищной капиталистической системой. Примеры по этой теме зримо подтверждают пророссийскую ориентацию как сталинизма, так и автора книги, выделяющегося на фоне других исследователей своими неординарными аргументами и выводами. Выясняется, что, хотя Сталин никогда не употребил

выражения "Русский Мир", всё его внутрисоветское строительство и внешняя политика при несомненном интернационализме зиждились на центристской идее Русского Мира. Именно в России и в русских сталинизм, являя миру пример наилучшего образа жизни, видел спланивающие условия победы восточной светосонной Красной империи над западной империей мрака.

В книге Гурджиева приводятся не только общеизвестные сторонние рассматриваемого научного феномена. Читатель найдёт в ней в том числе сведения, которые сознательно утаивались в архивах, были редко обнародованы либо оставались вовсе неизвестными для подавляющего большинства. Иными словами, многоплановый подрывной антисталинизм давал в руки нашего общего врага роскошные пропагандистские козыри — антикоммунистические, антисоветские, антироссийские, а попросту говоря — антинародные. Вывод автора категоричен, но безупречен: целостной истории СССР (и КПСС) не существует. Есть её два по длительности примерно одинаковых периода, которые абсолютно противоположны по своему вектору.

Немаловажное достоинство книги — она крепко опирается на фундамент прошлого, тесно увязана с сегодняшним днём, рисует, вероятно, спорную, но интересную панораму будущего. В ней через призму марксизма-ленинизма-сталинизма затронуты многие проблемы современного состояния России, её союзников и противников.

Произведение Гурджиева необычно по многим параметрам, которые пропитаны как мудростью, так и сабельным вихрем сталинизма. Оно не лишено недостатков, которые признаются самокритично автором. Примечательно, что он не претендует на лавры первопроходца. Он полагает, что сокровищница научного коммунизма, труды классиков марксизма-ленинского-сталинского учения, осмысление их бессмертного творчества стоят выше мотивов и понятий первооткрывательства, конкуренции, правообладания и прочих конъюнктурных интересов. В связи с чем автор призвал российских учёных-обществоведов к продолжению начатой работы по исправлению тяжелейшей теоретической ошибки, когда-то допущенной коммунистами и народом в вопросе сталинизма. Только после этого возможна ликвидация ещё более тяжёлых преступлений в стране и в мире, ставших следствием той ошибки.

Константин ГРИГОРЬЕВ

ИГРА ОТРАЖЕНИЙ

Пономарёва Елена. Disparati/Разности: большие процессы и зеркала истории. М.: Тион, 2025. — 300 с.

Научная публикация — жанр не только интеллектуальный, позволяющий, как сказал бы Карл Маркс, "называть вещи своими именами", но и востребованный в политической практике. Новый труд доктора политических наук, профессора МИМО МИД России Елены Георгиевны Пономарёвой в полной мере отвечает этим характеристикам. Несмотря на интригующее название "Disparati/Разности", уже по оглавлению понимаешь, что речь пойдёт о взаимосвязи больших процессов глобальной политики и исторических явлений, наглядно иллюстрирующих и подтверждающих враждебность по отношению к России (как бы наша страна ни называлась) западного сообщничества (миром его назвать не поворачивается ни язык, ни перо). Когда начинаешь постепенно постигать содержание и смысл предлагаемого автором материала, то яснее ощущаешь эту взаимосвязь и чётче представляешь себе технологии, механизмы и инструменты, используемые в противостоянии с Россией её врагами, недоброжелателями и хулиганями.

Так, например, в первой статье речь идёт о трансгрессе глобализации. Автор убедительно показывает, что в организационно-управленческом смысле глобализация определила доминирование тех, кто контролирует время (капитал), над теми, кто контролирует пространство (государство). В том числе это проявляется в масштабном социальном расслоении. Процессы массового обнищания населения и изменения социальнотурного пространства затрагивают страны не только периферии, но и ядра мировой системы. В таких условиях резко сокращаются базовые полномочия государства, что ведёт к его дестабилизации и подчинению глобальным игрокам — наднациональным и транснациональным структурам. Главный вывод автора: "Глобализация — это процесс формирования сегментированного и сергегированного мира, мира футуроархика".

Анализ трансгрессивной сущности современного капитализма позволяет выявить и проследить функционирование хитроумного механизма "хозяев мира" по уничтожению границ и подрыву устоев непослушных государств с целью смены неудобных режимов, правительств и отдельных руководителей.

Далее в книге логично следуют статьи с наглядными примерами печальных итогов планомерной диверсионной деятельности государств-бандитов, старающихся удержать власть группировок и кланов "имущего меньшинства" над "слабым и бедным большинством" мира. Среди них, в частности, кровавый государственный переворот в Румынии 1989 года, увенчавшийся убийством её президента-коммуниста, неослабные усилия Запада по разрушению, начиная с 1945 года, системы социалистических государств, не прекратившиеся с исчезновением СССР и развалом Социалистической Федеративной Югославии, как бы в назидание России.

После регулируемых западными спецслужбами "евромайдана" и государственного переворота в Киеве зимой 2013/2014 года именно на Россию направлен маховик политического, экономического, информационного и квазивоенного давления для удушения и уничтожения непокорного государства. Нельзя в этом контексте не согласиться с тезисом автора

о том, что свержение в октябре 2000 года Слободана Милошевича, как и дальнейшие аналогичные процессы в других странах, следует именовать "цветными революциями". Правда в том, что в XXI веке впервые на практике были отработаны технологии политических переворотов, поставленных после Югославии на поток. Грузия, Украина, Киргизия, Армения, опять Киргизия, опять Украина, Египет, Ливия, Сирия... С 2000 года государственные лидеры разных стран уже несколько десятков раз были отстранены от власти нелегитимным или не совсем легитимным путём, а команда технологов, в которую входит Срджко Попович, начавший свою карьеру "революционера" с крошечной студенческой организации "Отпор!" в 1998 году в Белграде, организовала более пятидесяти попыток переворотов. Однако важно в этой связи помнить, что подготовка политических переворотов начинается с воздействия на сознание элитных групп.

В частности, автор подробно объясняет, что русофобское перестроение украинской элиты и значительной части населения после 1992 года есть не что иное, как спецоперация США и остальных западных стран по превращению братской Украины в анти-Россию и поле битвы двух противостоящих государственных систем и концепций мироустройства. В настоящий момент ни для кого уже не секрет, что речь идёт именно об использовании коллективных Западом территории и людских ресурсов Украины для неприкрытой схватки НАТО с Россией: "В своё время печально известный в нашей стране американский спекулянт и филантроп Джордж Сорос очень чётко зафиксировал отношение интегрального Запада к этому вопросу: "Украина — это наша торпеда в войне с Россией". К бою "торпеды" готовили давно, ещё во время существования СССР, бережно опекая бандеровскую эмиграцию в Австралии, Канаде, странах Латинской Америки, ФРГ. После 1991 г. была задействована вся мощь западной "мягкой силы" — работой по подготовке будущих деструкторов занялись сотни американских и европейских вузов, научных центров, НКО. Помимо банального коррумпирования местных элитных групп, были активно использованы технологии перестроения общественного сознания. Начиная с педальирования темы двуязычия, переписывания истории и запуска в 2003 г. стараниями тогдашнего президента страны Леонида Кучмы мема "Украина — не Россия" — и заканчивая мифологией "Голодомора", героизацией коллаборационистов и нацистских преступников".

Автор обращается к самым жгучим вопросам международной повестки. В этом ряду стоят и другие информационно-психологические операции Запада против независимых стран. Эта сложная и острая тема рассматривается в тесной взаимосвязи с важнейшей не только для России, но и для всего мирового сообщества проблематикой не прекращающихся с первого Дня Победы 1945 года попыток бывших "союзников" СССР фальсифицировать, исказить в свою пользу историю Второй мировой войны. Хорошо известно, что в результате значительная часть населения западных стран не только убеждена, что победу над гитлеровским фашизмом одержали США, но даже есть полагающие, что это Советский Союз напал на Германию, а не наоборот. Злонамеренные попытки украсть нашу Победу над фашизмом в 1945-м закономерно рассматривать как новую форму агрессии и политики, требующую самого жёсткого противодействия со стороны российской власти и общества, "долг же настоящих учёных, не знающих ничего более ценного,

чем ценность исторической правды и научной истины, донести до настоящих и будущих поколений правду о тех великих и трагических событиях".

Нельзя скрыть и тот прискорбный факт, что за десятилетия безвременья или дикого капитализма выросло не одно поколение россиян, вкусивших "безграничной свободы потребления" и серьёзно подсевших на американские блокбастеры, сериалы, боевики, ремейки, сиквелы, ужастики и прочие фэнтези, культивирующие и смакующие воинственный индивидуализм, грубое насилие, всевозможные психические, поведенческие, сексуальные и прочие отклонения, пороки и изъяны личности, что в немалой степени способствовало распространению в среде нашей молодёжи антиобщественных, антипатриотических, вплоть до протестных, настроений и выступлений. Автор "Разностей" предупреждает об опасности бесконтрольного допуска продукции западной кинематографии на отечественные экраны в условиях жёсткого идеологического и концептуального противостояния двух систем: "Главная цель когнитивного оружия — не прямое физическое уничтожение противника, а внедрение в интеллектуальную среду как отдельной страны, так и мирового сообщества ложных научных теорий, парадигм, концепций, стратегий, влияющих посредством новых — сфальсифицированных — смыслов и ценностей..."

Портрет и позиции автора изысканно дополняет глава, в которой, не отступая от общей логики повествования, она доверительно делится своим отношением к личности, занимающим в её сознании и душе значимое место и, по её собственному признанию, оказавшим существенное влияние на становление и развитие её мировоззрения. Первое место, естественно, отведено отцу. Георгий Алексеевич Рудов прошёл славный жизненный путь, достигнув высот в разных профессиональных сферах. Ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР и Российской Федерации, научное звание доктора политических наук и должность почётного профессора в Дипломатической академии МИД России гармонично сочлелись в этом необыкновенном человеке долга, комсомольце по духу, мыслителе, гуманисте и патриоте. "Раньше думай о Родине, а потом о себе", — учил он дочь. И она осталась верна этому завету.

Фигуры других значимых для Елены Пономарёвой личностей тоже выбраны символично, не наугад — от Александра Пушкина, великого и светлого русского гения, до тёмного политического негодая, "о подлых деяниях которого нужно знать", финского президента Марти Ахтисаари, подписавшего приговор независимой федеративной Югославии, столь близкой и дорогой для автора. Каждое следующее имя — М.И. Кутузов и Фидель Кастро или писатели С.Ю. Куняев, Ю.М. Поляков и другие — занимают в сознании автора свою особую нишу. Завершает книгу интересный "бонус" — обширный список для чтения, составленный Е.Г. Пономарёвой совместно с историком А.И. Фурсовым и рекомендуемый ими для лучшего понимания законов мироздания, межчеловеческого общения и событий, происходящих в реальном мире.

В заключение остаётся лишь порекомендовать основательно проштудировать эту новую книгу видного отечественного историка, политолога, публициста. Её чтение не только обогатит вас знаниями и позволит увидеть порой скрытые, глубинные процессы современной мировой политики, но и станет увлекательным литературным путешествием.

Сергей ВЕНЕДОВ